

ТЕОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

Клейн Л. С.

Размышления о теоретической работе в археологии (отклик на статью Я. А. Шера)

Резюме. В статье Я. А. Шера, опубликованной недавно в сборнике памяти И. С. Каменецкого, подняты важные вопросы о перспективах теоретической археологии в России. С убеждением Шера в том, что теорий не может избежать ни один археолог, трудно не согласиться, но в ряде конкретных вопросов желательны уточнения. Одно из них — различие археологической теории и теоретической археологии, другое — различие общеисторических задач и теоретических задач археологии, которые требуют выхода за ее пределы. Есть и другие вопросы, обсуждать которые целесообразно.

Ключевые слова: теория, археология, археологическая теория, теоретическая археология, история, метаархеология.

Klejn L. S. Thoughts on theoretical work in archaeology. This is a response to a paper by Ya. A. Sher published recently in the volume dedicated to the memory of I. S. Kamenetsky. Sher has raised a number of important questions on the perspectives of theoretical archaeology in Russia. While his argument that archaeologists cannot avoid addressing to theories seems compelling, some particular points are subject to further specification. One of them is the distinction between archaeological theory and theoretical archaeology, the other is the distinction of general historical tasks and theoretical tasks of archaeology. There are also other problems demanding discussion.

Keywords: theory, archaeology, archaeological theory, theoretical archaeology, history, metaarchaeology.

Статья Я. А. Шера

В сборнике памяти И. С. Каменецкого, с которым каждого из нас связывало более полувека дружбы, Я. А. Шер отметил теоретические аспекты деятельности Каменецкого и посвятил его памяти статью «Нужна ли теоретическая археология?» (Шер 2016). Он положительно отвечает на этот вопрос, и в этом я с ним полностью согласен. Но далеко не все археологи с этим согласны (Колраков 1993), и придется это всерьез доказывать, разбирая ряд частных вопросов этой проблемы, а тут возможны разные подходы, и у меня есть некоторые расхождения с Я. А. Шером.

В нынешних условиях захирения у нас теоретической археологии очень хорошо, что Шер, как всегда просто и доходчиво, выступил с этой темой и привлек к ней внимание археологов. Это благодарный повод для уточнения позиций.

Коль скоро так, мне придется много ссылаться на свои собственные работы, прошу не принимать это за эгоцентризм. Надеюсь, мои соображения инициируют обсуждение этой статьи гроссмейстера археологической методики Я. А. Шера.

В своей статье он сначала ставит вопрос (1), «какие публикации можно считать теоретическими, а какие — прикладными, общетеоретическими и общеоисторическими», и полной ясности у него в этом вопросе нет («это не так просто сделать» — с. 346). Затем он решает вопрос (2) о том, какова доля теоретических работ в общеархеологической литературе и как она изменялась во времени. Здесь он опирается на великолепные тома археологической библиографии, выпущенные сотрудниками Библиотеки ИИМК, и на перечень теоретических конференций. Он приходит к выводу, что доля эта увеличилась (с 0,8 % до 1,8 % за советское время, доходя порою до 3,3 % в год — это по 1991 г., а после этого года, то есть для постсоветского времени, базы для суждения нет). Но (3) вопрос о должном соотношении между теорией и практикой, встающий здесь, повисает в воздухе: вроде бы соотношение и должно быть примерно таким — во всех науках теоретиков очень мало по сравнению с практиками.

При этом Шер задает (4) вопрос о том, чем теоретическая археология отличается от простой болтовни (с. 350), и на этот вопрос вообще не отвечает.

Далее автор высказывается (5) против четкого разграничения между теоретиками и практиками (с. 350–351) и приводит свои обоснования этого тезиса. И, наконец, автор ставит (6) ключевой вопрос о «месте и роли теории в археологии», который, по его мнению, у Клейна (2004а: 200–321) рассмотрен несколько сложновато и чересчур пространно, тогда как «хотелось бы изложить свое представление о месте и роли теории в археологии проще и короче» (с. 352). Это упрощение он находит в (7) возможности свести дело к двум подходам — построению теории «сверху» и «снизу». Сверху — это двигаясь от общих соображений, от более общих теорий, а снизу — это от потребностей обобщения материала. Он считает оба подхода равно правомерными, хотя, надо сказать, в своей деятельности Я. А. Шер всегда предпочитал (вместе с Олб. Сполдингем и Д. Кларком) второй подход, и в этом суть его собственных построений по типологии (Клейн 1991а: 129, 220).

А еще для обоснования своих взглядов на роль теории в археологии Шер рассматривает (8) место археологии среди других наук, а в качестве реализации этих взглядов выдвигает (9) два ряда задач археолога: внутриархеологические и общеоисторические.

Такова общая позиция Шера и во многом она совпадает с моей. Мы оба высоко оцениваем значение теории, оба уважаем формализацию, оба занимаемся сами теорией (я больше, он меньше), оба стараемся применить математику (я меньше, он больше). Шер абсолютно прав в том, что к археологическим теориям так или иначе приходится обращаться каждому археологу, даже если тот этого не замечает.

Археологическая теория и теоретическая археология

Переходя к нашим расхождениям, прежде всего я хотел бы уточнить предмет обсуждения. Мне представляется, что в описанных рассуждениях у Шера смешаны две не совсем тождественные вещи: *археологическая теория* и *теоретическая археология*. Теория — это определенная программа

исследовательских действий, определенная ментальная конструкция, освещающая исследователю путь в материале (см. Клейн 1978; 1980; 2004а: 247–289), а теоретическая археология — это особая отрасль науки, занимающаяся разработкой, изучением и упорядочением археологических теорий (Klejn 1977: 1–2; 1990; Клейн 2004а: 12–43). Теории в археологии выдвигались давно, с XIX века, а теоретическая археология возникла недавно — в 70-е годы XX века. Можно принимать археологические теории и выступать против необходимости теоретической археологии как особой отрасли, что, кстати, многие и делали (например, Майкл Шэнкс — *A dialogue* 1994), воюя против Бинфорда и Кларка. Так что доказывать необходимость того и другого нужно особо. На деле в большинстве случаев Шер говорит о значении теорий в археологии, а не теоретической археологии. А я в одних рассуждениях говорил о сути и значении теорий (Клейн 1978; 1980 и др.), в других — о важности теоретической археологии как отрасли (Клейн 2004а: 12–43).

Какие статьи в археологии считать теоретическими, а какие прикладными и т. п. (*вопрос 1 у Шера*), конечно, зависит от того, что понимать под археологической теорией. И тут существует целый ряд концепций (обзор их представлен в Klejn 1995b; Клейн 2004а: 26–46). Я-то считал и считаю, что для определения, что такое археологическая теория, нужно знать, что такое теория вообще. Исходя из этого я и определял археологическую теорию. В моем представлении теория — это программа переработки информации, основанная на некоей объяснительной идее и упорядочивающая соответственно ей материал, а в пределе теория, приводящая к новым стереотипным операциям, оборачивается методом (Клейн 1978; 2004а: 226–246). Кто интересуется вопросом, «что» дадут раскопки, — практик археологии, кто задается вопросом, «как» изучать, — методист (разрабатывает методы), кто ставит вопрос «почему» — вдается в теорию. Он приходит к новым методам и новым взглядам на факты. Поэтому существенные сдвиги в науке обеспечивает как раз теория.

Именно поэтому Шер, славный своими разработками методов, *volens nolens* является теоретиком. Именно поэтому его объяснительные идеи о совершенстве палеолитической живописи, связанные с новыми методическими подходами, являются такой гипотезой, которая при обрастании доказательствами превращается в теорию. Именно поэтому его соображения и построения, лежащие в основе его распознавания стилей в первобытном искусстве по функционально несущественным изображениям ног и рогов животных, являются теорией (правда, четче изложенной у Л. Бинфорда и Р. Сэкета), а всякие высокоумные рассуждения некоторых археологов и искусствоведов о том, что следует считать стилем, исходящие из субъективных оценок и из мнений авторитетов, — никакая не теория (ср. Клейн 2004б).

Определение доли теоретических работ в археологии (*вопрос 2 у Шера*) как раз связано скорее с вопросом о *теоретической археологии как особой отрасли*. Но дело здесь не только и не столько в количестве, сколько в организации — в регулярном созыве конференций, в появлении особых журналов, отделов и кафедр, в специализации сотрудников, в специальной их подготовке. Шер считает (*это вопрос 5 у него*), что «в отличие от естественных наук, у нас пока нет оснований к четкому разграничению между теоретиками и практиками» (с. 350–351). Категоричность отрицания смягчается ограничивающим словечком «пока». Но ведь общеархеологическая подготовка и практика нужны теоретику археологии сейчас, и так будет всегда. Я доказывал это в своем споре

с постпроцессуалистом Кр. Тилли (Klejn 1991). Тем не менее выделить теоретиков по преимуществу нетрудно. Их и на практике выделяют — иногда почти неточно, а чаще — осудительно.

Та ситуация, что теоретиков сравнительно мало по сравнению с практиками (*вопрос 3 у Шера*), нормальна, потому что во всех науках для добывания и обработки фактического материала приходится затрачивать уйму усилий и времени, соответственно практикой занимаются массы сотрудников, тогда как теорию вырабатывают, как правило, одиночки — индивиды с особой подготовкой и талантом. Им тоже нужна среда, некий коллектив для обсуждения и обкатки мыслей, но само теоретическое творчество — процесс индивидуальный. У теории всегда есть творец. Шер считает, что специальная подготовка теоретиков не нужна, но это не так. Теоретику нужен другой объем знаний, другие смежные науки, да и другие способности (Клейн 2004а: 15; 2003–2004б: 445; 2014б: 448–464).

Шер склонен это игнорировать потому, что сам он предпочитает создавать теории «снизу», от материала (*это вопрос 7 у него*, и мы еще вернемся к нему), поэтому не очень четко отличает эмпирическое обобщение от теории, употребляя ходячий оборот «теоретическое обобщение» (с. 351). Между тем эмпирическое обобщение материала создает из многих мелких фактов один большой факт, но само по себе не выводит к теории. Тип для Шера автоматически вылезает из обобщения и корреляции разных аспектов материала. Между тем, еще Уолтер Тэйлор (Taylor 1948) показал, что это не все решает.

Что теоретическая археология заслуживает выделения в особую отрасль, я доказывал с 70-х годов. И кафедра теоретической археологии создана, но в Лондоне. Проходят регулярные международные конференции TAG (Theoretical Archaeology Group).

А у нас... О каком выделении теоретической археологии может идти речь, когда вся археология не вошла в официальный список специальностей по ведомству высшего образования в нашей стране, также по присвоению ученых степеней. Шер это отметил: мы единственная страна болонского соглашения, в которой археология официально не существует. Археологическая библиография пресеклась на 1991 году, последующие четверть века не отражены в ней. Ассигнования на археологические учреждения сокращаются, в частности на зарубежную археологическую литературу — катастрофически. На вопрос, «растет или уменьшается интерес к теоретической работе в последние 15 лет», Шер отвечает: «Субъективное впечатление — уменьшается» (с. 348). Естественно: не до жиру, быть бы живу.

Есть и дополнительные факторы. Во-первых, теоретическая работа связывалась в советское время с обязательными упражнениями в марксистском догматизме. Дискредитация его в постсоветское время отбила у российских археологов всякий вкус к теории, и без того слабый в кругу эмпириков. Во-вторых, постсоветский период развития археологии характеризуется в числе прочего ее сильной децентрализацией: региональные очаги развития естественно сосредоточились на локальных темах, старые центры сильно ослабели и сузили свой интерес. А теоретическая археология связана с широкими интересами и достаточным количеством кадров для отвлечения сил от полевой работы и непосредственной обработки материалов.

Теория или болтовня?

Для преодоления этого скептицизма и отвержения очень важен вопрос о том, чем отличается теоретическая работа в археологии от простой болтовни. Шер с полным основанием поставил этот вопрос (4-й у него) — как реплику на критическое замечание Формозова о том, что слишком часто они неразличимы. Но мы не находим у Шера четкого ответа на этот вопрос. Лишь из общего контекста рассуждений можно заключить, что в понимании Шера теория должна быть близка к задачам практики, теоретическая археология должна помочь справиться со свалившимся на нас обилием информации, с которым традиционные методы анализа и обобщение не справляются. Но это ее функции, а не оценка качества.

Я задался тем же вопросом в 2003 г. и выступил на ежегодной конференции Европейской ассоциации археологов, состоявшейся в Петербурге во время 300-летия города (Klejn 2003). Есть критерии оценок обычного практического исследования по археологии — это разумно отобранная база фактов, методически правильная их обработка, последовательность в обработке и т. п. Но все это не очень применимо к теоретическому исследованию. Отвечая на этот вопрос, я исходил из того, что 1) работа, подлежащая оценке, прежде всего вообще относится к теоретическим, отвечает критериям определения теории. Далее я предъявлял требование, чтобы 2) был четко сформулирован вопрос, на который предстоит отвечать, и перечислял, что для этого нужно теоретику. Затем, 3) от теоретика нужно ожидать ясность и логическую корректность мышления, отраженную в языке. 4) Приводимые схемы должны облегчать понимание, а формулы должны работать, а не служить украшением. Наконец, 5) теоретик должен предвидеть, что изменится в науке с принятием его теоретических предложений. Если ничего, то теории нет. Ну, еще я упоминал 6) желательность таланта, и пытался определить, в чем он обычно выражается.

Разумеется, все это переложено здесь очень сжато, а при реальной оценке важны детали, так что я отсылаю читателя к самой статье (она перепечатана на русском в «Стратуме» — Клейн 2003–2004а).

Археология среди наук

Что касается подходов «снизу» и «сверху» (*возвращаемся к вопросу 7 у Шера*), то, во-первых, я тоже об этом писал, рассуждая о классификации (Клейн 1991а: 197–202, 230–231), и даже указывал два варианта такого деления: один — *по уровням обобщения* (от больших общностей к мелким или наоборот, то есть объединять или разбивать — Клейн 1991а: 197–202), другой — *по уровням интеграции* (от более сложных общностей к более простым, восхождение или нисхождение — Клейн 1991а: 230–231). Я предлагал тогда признать реальную практику и ввести нисхождение (от интуитивного схватывания высоких общностей) в стратегию классификации, а тем самым придать ему теоретический статус.

Во-вторых, на мой взгляд, это различие (в обоих вариантах) не играет такой роли, на которой стоило бы строить все рассуждение о месте и роли теории в археологии (*вопрос 6*). Оба подхода правомерны, оба в работе сочетаются, а преобладание того или иного зависит от исследовательской задачи и от навыков исследователя.

Место и роль теории определяются ее функциями, их много и я разбирал эту тему подробно (Klejn 1995a; Клейн 1999; 2004a: 290–321). Интерес же Шера к вопросу о двух подходах вызван скорее всего тем, что сам он предпочитает один подход — «снизу», и даже в изложении двух подходов сбился на него: «Здесь в основном был рассмотрен подход к теории “снизу”, но не следует исключать и другого подхода...» (с. 353).

Приоритет (на практике) подхода «снизу» связан у Шера с его определением места археологии среди других наук (вопрос 8). Он так определяет это место: «В естественных науках при подходе снизу большое место занимает эксперимент, а при подходе сверху — математика. Гуманитарные науки располагают ограниченными возможностями в использовании эксперимента и математики, но эти ограничения не у всех гуманитарных наук одинаковы. На одном полюсе находятся социология, демография и т. п., где такие ограничения минимальны, на другом — литературоведение, искусствоведение, повествовательная история, в основном базирующиеся на словесности... В этом ряду археология занимает промежуточное место, ближе к естественным наукам, в силу того, что ее основным предметом являются материальные предметы и объекты» (с. 353).

То есть археология располагается в некоем едином ряду между естественными науками и гуманитарными, но ближе к естественным. Мне трудно с этим согласиться. Во-первых, тут налицо не один ряд, а два: от естественных к социальным и от условно называемых точными к гуманитарным. Социология — социальная наука, но не гуманитарная. Физическая география — естественная наука, а политическая география? Вообще география схожа с историей в том, что обе не занимаются выведением законов из совокупности фактов, а изучают сами факты и их конфигурации, законами же интересуются лишь в той мере, в какой они сказываются на конкретном факте и проявляются в конфигурации фактов. Таким образом, нет простой линейной классификации наук (ср. Клейн 2001: 11–22).

Археология же, как я неоднократно писал, не является ни гуманитарной, ни естественной наукой, ни социальной или точной. Потому что она не является ни частью истории, ни ее дубликатом (так сказать, вещественной историей — историей материальной культуры). (Клейн 1977; 1978; 1995с; 2004a: 44–135). По своим методам она абсолютно схожа с криминалистикой. Археолог — это следователь, опоздавший к месту изучаемых событий на тысячи лет. А историк напоминает судью. Недаром говорят «суд истории». В этом смысле археология — наука прикладная. Она — наука источниковедческая. Подобно другим источниковедческим наукам (дипломатике, палеографии, нумизматике, генеалогии и т. д.), она изучает свои (археологические) источники и переводит их на язык истории (Клейн 1992; 2004a: 136–164). Результаты свои она передает истории, социологии, культурологии (культурной антропологии). История же (особенно ранних этапов человечества — преистория и протоистория, древняя история) в этом смысле — наука синтезная, она синтезирует результаты ряда наук — археологии, физической антропологии, нумизматики, этнографии, палеобиологии, ныне палеогенетики.

Иное дело, что моя позиция предполагает формирование *преистории* как особой науки — преистории, переходящей в протоисторию (а та затрагивает древнюю историю и отчасти средневековую). Наука эта является продолжением истории вглубь веков, но в чем-то сродни естественной истории — биологической (Клейн 1991б; Klejn 1993; 1995с).

Археолог может выступать и как историк ранних этапов человечества, но в этих случаях он выступает в функции другого ученого и принимает на себя обязанности освоить принципы и методы совершенно другой науки, обращаясь к фактам и методам других наук. Это не всякому под силу и, расширяя кругозор, несомненно уменьшает время и внимание, уделяемые собственной науке. Когда археолог решается на такие вылазки, очень велик риск удариться в дилетантизм.

Смещение задач

Вот очень многие археологи смешивают исторические задачи и проблемы с теоретическими задачами археологии. В статье Шера, как мне представляется, эта тенденция тоже проявилась — в заключительном разделе (*вопрос 9*) о делении ее теоретических работ на два направления — общетеоретические (антропогенез, цивилизации и периферия, город и степь и т. п.) и внутриархеологические (дескриптивные стандарты, классификация и типология, хронология и т. п.). «Внутриархеологические» — Шер использовал здесь очень удачное название. По логике «внутриархеологическим» должны противостоять «внеархеологические». Но тут и было бы ясно, что они — не дело археологии. Поэтому Шер называет их «общеисторическими». Ну что ж, «общеисторические» — это задачи истории, физической и культурной антропологии, социологии. Археологами интересуется, но в основном это не его поприще. В них он, как правило, дилетант. Часто именно в этих сферах осуществляются те теоретические разглагольствования археологов, которые Формозов приравнивал к болтовне.

Из самого термина «внутриархеологические» вроде бы вытекает простейшая истина: вот и надо в основном оставаться *внутри своей науки*. Тут вспоминаются лапидарные изречения знаменитого французского археолога Поля Курбэна. Он формулировал свою позицию так: «Конечно, многие археологи не удержатся от соблазна выдвинуть исторические интерпретации и подтвердить их фактами, которые они сами собрали или могут собрать. Некоторые из них захотели формулировать законы поведения, культурные законы. Но если они в каком-то смысле незаменимы в установлении фактов, то на этой стадии их лучше бы сменили антропологи или историки».

Курбэн допускает: «Археологи могут становиться историками, эпиграфистами или антропологами. Но, как случается всякий раз, когда человек покидает свою специальность, результат оказывается (возможно или вероятно) не столь хорош, как тогда, когда работа сделана историком или антропологом. Несомненно, лучше использовать специалиста, иначе специализация не имела бы смысла и абсолютно всякий мог бы делать абсолютно все».

И Курбэн поясняет: «Возможно, что какой-то археолог станет всерьез историком. Важно, чтобы он сознавал, что, делая это, он действует не как археолог, а как антрополог или историк. Он более не делает “археологию”, а делает нечто иное» (Courbin 1988: 154, 151).

Мне очень близки и понятны эти изречения Курбэна. Но я не могу их принять за абсолютные истины. Курбэн — воинствующий эмпирист. Для него археология — наука фактов. Места для теорий он в археологии не видит: «Установление фактов есть истинная роль и миссия археолога, есть то, что отличает его от всяческих “параархеологов”, ибо он способен делать эту работу и он тот, кто единственный способен делать ее правильно...» (Courbin 1988: 132). Это верно по-

стольку, поскольку это касается археологов-практиков, и до тех пор, пока у них не возникает необходимость обратиться к теориям археологии. А, как мы с Шером убеждены, любой археолог непременно возьмется за теории, иначе теории возьмутся за него.

Если бы теории были простым обобщением эмпирических фактов, то и с теориями археолог мог бы оставаться в пределах археологии. Но теории не таковы, они логически связаны с более общими теориями и законами. Фундаментальные понятия и исходные принципы археологии потому и считаются фундаментальными и исходными для нее, что не имеют основания в ее пределах. Их корни и опоры — в других науках. Поэтому многие теории археологии требуют выхода за ее пределы. Но этот выход определен не свободным полетом мысли и субъективными интересами археолога, а логикой выведения фундаментальных понятий археологии и структурой науковедения.

В моих построениях теоретического знания археологии так же, как у Шера, есть внутриархеологические теории (я их называю *эндоархеологическими*) и выходящие за ее пределы. Эндоархеологические теории — это те, которые направлены на освещение археологических источников и работы с ними. Это изучение их природы, описательных операций и языков, классификации и типологии, стратиграфии и хронологии и т. п. (этим проблемам посвящены мои книги «Археологические источники», «Археологическая типология» и др. — см. Клейн 1978; 1995; 1991). Тут тоже есть некоторое обращение к неархеологическим проблемам: соотношения с письменными источниками и другими их видами, с геологическими стратиграфиями и т. п. Но в основном мысль обращается внутри дисциплины.

А вот *метаархеологические* теории освещают не предмет археологии (источники), а ее саму как научную дисциплину — определяют ее предмет, методологическую природу, соотношение фактов, гипотез и теорий в ней и т. п. Все это операции науковедческие, а науковедение — это особая дисциплина, она требует особой подготовки, особых методов и знаний. Это взгляд извне на археологию. Но заниматься таким изучением археологии интереснее всех именно археологам (мое «Введение в теоретическую археологию» и носит подзаголовок «Книга 1. Метаархеология» — Клейн 2004а).

Еще один вид выхода за пределы археологии — *параархеологические* теории. Это освещение ее фундаментальных понятий — тех, с которыми каждому археологу приходится иметь дело, но которые явно разрабатываются другими науками. Например: культура (материальная, духовная, физическая и т. п.), эволюция, цивилизация, исторический процесс, эпоха, время, стиль, человек, общество, этнос, этногенез, популяция, наследие, памятник и др. (некоторым из этих проблем посвящены мои книги «Принципы археологии», «Этногенез и археология», «Время в археологии» и др. — см. Клейн 2001; 2013; 2014а). Все эти понятия для археолога важны, на каждое существуют много точек зрения, много вариантов определения, а для выбора приходится проследживать обоснования и лезть в другие науки.

Вот этими проблемами археолог-теоретик вправе заниматься, оставаясь археологом, а из тех, которые перечислил Шер, многие все же не дело археолога как археолога.

Мне могут указать, что моя личная практика противоречит моей теории: сам-то я нередко выхожу за пределы даже столь широко определенной археологии. Верно, за долгую жизнь в науке я не раз поддавался этому искушению,

но, выходя, я принимал на себя обязанность соблюдать принципы и методы той науки (филологии, истории, антропологии), в которой я оказывался. Если я где-то нарушил это правило, критикуйте меня за это, а не за сам выход. Эти мои личные приключения ничего не говорят о природе самой науки. Я ведь занимался и музыкой, но никто не собирается включать музыку в обязательную программу археологии.

Я думаю, что нередкие выходы известных археологов за пределы своей профессии вызваны в значительной мере тем, что ни у нас, ни за рубежом не сформирована преистория как особая дисциплина. А это как раз и зависит от нечеткого определения поприща археологии.

Понимаю, что симпатии читателей скорее вызовет позиция моего друга Я. А. Шера, чем моя. Это естественно: она ближе к традиционной практике, предлагает больше свободы действий и открывает более заманчивые перспективы в тематике исследований. Но в том-то и сила теории, что она, развертываясь в логике и системности, отсекает ненадежные игры мысли и последовательно выводит на нетривиальные и непопулярные заключения.

Нужна ли теоретическая археология нам?

К этим соображениям мне хотелось бы добавить еще несколько слов об особой важности развития теоретической археологии именно для нашей страны.

Во-первых, Россия лишь четверть века (одно поколение) тому назад избавилась от тоталитарного режима, заковавшего страну в догматический -изм и державшего ее в изоляции от мировой науки и культуры. Она и сейчас не вполне преодолела болезненное привыкание к тюремной жизни и часто переживает приступы опасного пароксизма — то впадает в отчаяние, моля мир о помощи, то буйствует, раздавая тумаки всем соседям.

В этой обстановке любое накопление древностей, простое накопление фактов археологии, может быть использовано распоясавшимися «эффективными менеджерами» во властной элите страны для идеологического обоснования своих эгоистических устремлений — империалистической агрессии, ультра-национализма, средневеково-религиозного мракобесия, ксенофобии. Поэтому особое значение приобретает разумное и объективное освещение этих фактов, а в основе его лежит хорошее владение теориями археологии, развитие теоретического знания, обоснованное применение правильных методов исследования.

Во-вторых, нужно учесть, что длительное насаждение марксистской догматики под видом теории привело к тому, что многие археологи при освобождении от «обязаловки» отшатнулись в сплошной эмпиризм (это началось еще в советское время — см. Клейн 1977; 2004а: 200–225), а некоторые, наоборот, из упрямства и отчаяния (неужто все, чему служили, было фейком?!) ударились в марксистскую догматику. В таких условиях теоретическая работа особенно необходима для восстановления нормального баланса между теориями и эмпирикой.

В-третьих, в условиях нынешнего кризиса и при нынешнем перераспределении финансов страны в пользу военно-силового блока в ущерб науке, просвещению и здравоохранению археология больше, чем другие науки, переживает резкое сокращение финансирования. Полевые работы еще держатся за счет новостроек, а научные учреждения, музеи и кафедры археологии испытывают

жесткое сокращение всего. В этих условиях единственная отрасль археологии, которая могла бы выдерживать конкуренцию и поддерживать национальное достоинство российской археологии в мире — это теоретическая археология (при каком-то внимании со стороны научного руководства), потому что она требует наименьшего расходования средств — кроме зарплаты только на компьютеры, книги и научные конференции.

Государство затратило на меня гораздо меньше средств, чем на других археологов. Мне 90, и я могу трезво подводить итоги. Я был ассистентом, потом доцентом, на десять лет я был отстранен от работы в университете, в 1993 возвращен как профессор, а с 1997 года получал от государства только пенсию. На все мои поездки за рубеж (я много выступал с докладами и лекциями, собирал материал в библиотеках и музеях) государство не выдало ни копейки. Но из 40 моих книг полтора-два десятка могут быть причислены к теоретической археологии. В мире меня считают одним из основателей этой отрасли и даже «единственным археологом-теоретиком из Советского Союза и России, о котором англоязычный мир когда-либо слышал» (Shennan 2015: 9), а Шер назвал меня «бесспорным лидером» теоретической археологии в России (с. 349), и никто вроде не возражает.

Да и сам Шер, автор многих важнейших книг, строитель продуктивных и интереснейших теоретических концепций, создатель не только информационно-компьютерной службы Эрмитажа, но и Кемеровского информационного центра по мировому палеолитическому искусству, также был в свое время уволен из археологического института и обошелся государству в минимум средств.

Какой могла бы быть теоретическая археология России, если бы государство затратило на нее чуть больше и шпыняло теоретиков чуть меньше? Возможно, англоязычный и всякий другой мир знал бы не одного-единственного археолога-теоретика из России.

Литература

- Клейн Л. С. 1977. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии 1. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 13–22.
- Клейн Л. С. 1978а. Археологическая теория (проблема статуса и дефиниции) // Проблемы археологии 2. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 8–17.
- Клейн Л. С. 1978б. Археологические источники. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Клейн Л. С. 1991а. Археологическая типология. Л.: АН СССР, Ленинградское археологическое научно-исследовательское объединение.
- Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // ВИЕТ 4, 3–12.
- Клейн Л. С. 1995. Археологические источники, 2-е изд. СПб: Фарн.
- Клейн Л. С. 1999. Функции археологической теории // SP 3, 8–25.
- Клейн Л. С. 2001. Принципы археологии. СПб.: Бельведер.
- Клейн Л. С. 2004а. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. СПб.: Бельведер.
- Клейн Л. С. 2004б. Путь к теории стиля. Рец. на книгу Е. Н. Устюговой «Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля», СПб., 2003 // Новый мир искусства 3, 22–23.
- Клейн Л. С. 2003–2004а. Как отличить хорошую теоретическую работу по археологии от плохой? // SP 1, 482–486.
- Клейн Л. С. 2003–2004б. Работы по классификации и типологии в отечественной археологии на рубеже тысячелетий. Запоздалая рецензия // SP 2, 439–450.

- Клейн Л. С.* 2013. Этногенез и археология. Т. 1–2. СПб.: Евразия.
- Клейн Л. С.* 2014а. Время в археологии. СПб.: Евразия.
- Клейн Л. С.* 2014б. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археология советской эпохи. СПб.: Евразия.
- Шер Я. А.* 2016. Нужна ли теоретическая археология? // Гей А. Н., Сорокина И. А. (ред.). Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И. С. Каменецкого. М.: ИА РАН, 346–354.
- A dialogue 1994. A dialogue between Iain Mackenzie and Michael Shanks. *Archaeology: theories, themes and experience* // Mackenzie I. M. (ed.). *Archaeological Theories: Progress or Posture?* Avebury: Addershot, 19–40.
- Chippindale C.* 2002. Looking out at Antiquity, from England to the world, 1927–2028 // *Antiquity* 76, 1076–1080.
- Courbin P.* 1988. What is Archaeology? An Essay on the Nature of Archaeological Research. Transl. from French. Chicago — London: University of Chicago Press.
- Klejn L. S.* 1977. A panorama of theoretical archaeology // *CAn* 18, 1–42.
- Klejn L. S.* 1990. Theoretical archaeology in the making: a survey of books published in the West in 1974–1979 // *FA* VII, 3–15.
- Klejn L. S.* 1991. A Russian lesson for theoretical archaeology: a reply // *FA* VIII, 67–71.
- Klejn L. S.* 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity* 67, 339–348.
- Klejn L. S.* 1995a. Functions of archaeological theory // *JTA* 3–4, 1–39.
- Klejn L. S.* 1995b. Metaarchaeology in the West. Current notions of Western scholars on what is theory in archaeology // *JTA* 3–4, 59–82.
- Klejn L. S.* 1995c. Prehistory and archaeology // Kuna M., Venclova N. (eds.). *Whither Archaeology? Papers in Honour of Evz žen Neustupny.* Praha: Institute of Archaeology, 36–42.
- Klejn L. S.* 2003. Theoretical work in archaeology: how to distinguish a good one from a bad? // 9th Annual Meeting of European Association of Archaeologists, 19th – 14th September 3, St. Petersburg, Russia. Final programme and abstracts, 182.
- Kolpakov E.* 1993. The end of theoretical Archaeology? A glance from the East // *NAR* 2, 107–115.
- Shennan S.* 2015. Foreword // Leach St. *A Russian Perspective on Theoretical Archaeology. The Life and Work of Leo S. Klejn.* Walnut Creek: Left Coast Press, 9.
- Taylor W. W.* 1948. *A Study of Archaeology.* Menasha: American Anthropological Association.